

**АДМИНИСТРАЦИЯ ЛИПЕЦКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛИПЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
УЧЕБНО-НАУЧНАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
«ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ»**

**Материалы научной конференции
по проблемам гуманитарных наук
«БАРТЕНЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»,
посвященной 100-летию начала Первой мировой войны**

Пётр Иванович Бартенев (1829–1912)

Липецк 2014

УДК 947
ББК 63.3 (2) - 283

Печатается по решению редакционно-издательского совета Липецкого государственного педагогического университета

Материалы научной конференции по проблемам гуманитарных наук «Бартеневские чтения», посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. Липецк, 10-11 октября 2014 года. – Липецк: ЛГПУ, 2014. – 248 с.

Сборник включает материалы научной конференции «Бартеневские чтения» (Липецк, 10-11 октября 2014 г.), посвященной различным аспектам истории России.

Для специалистов и всех, кто интересуется родной историей и историей Липецкого края.

Редакционная коллегия:

д.и.н. А.Н. Долгих (отв. редактор), к.и.н. И.Д. Петришина

Статьи печатаются в авторской редакции

ISBN 978-5-88526-669-7

© ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет», 2014

шила, что она узнала, где последнее время (перед смертью) жил Иван Петрович Бартенева – в Париже. Но кто займется его розысками? Ведь прошло уже около 100 лет! Она обратилась с письмом к настоятелю русской православной церкви Парижа на улицу Дарю с просьбой узнать, не сохранилась ли запись в церковных архивах об отпевании Ивана Петровича Бартенева.

Продолжается поиск сведений и о Петре Юрьевиче Бартенева, наследнике знаменитого издания «Русский архив». До сей поры неясно, как сложилась его судьба с лета 1918 г., когда, предупрежденный об аресте, он ушел из дома, как оказалось – навсегда. Говорили потом, что его видели в начале 20-х годов в Константинополе. Неумолимая Нина Петровна написала письмо в Стамбул, в православный Пантелеймоновский монастырь, не сохранились ли у них в архивах фамилии русских эмигрантов, умерших в Константинополе в 20-х годах прошлого века.

Жизнь продолжается и преподносит сюрпризы. Тайное вчера становится явным сегодня. Биографии знаменитого земляка П.И. Бартенева и его славных потомков изучаются и дополняются новыми сведениями. Для этого и создан музей русского историка на его родине, в г. Липецке, в библиотеке имени П.И. Бартенева, в котором собрана уникальная печатная коллекция документов и материалов о нем, установлен бюст Бартенева работы липецкого скульптора, члена Союза художников России Валентина Леонидовича Челядина. Почему нужно воссоздавать и сохранять эти фрагменты былого? Потому что они – часть нашей истории. Потому что это память, главное связующее звено в цепочке «традиции - воспитание - культура - духовность - личность - народ». Память, которую надо оставить в наследство потомкам...

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Зайцев, А. Д. Петр Иванович Бартенева. М., 1989. С. 77.
2. Ахметьева Н. Издатель журнала «Русский архив» Петр Иванович Бартенева, его предки и потомки // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Вып. 8. Липецк, 2010. С. 191.
3. Там же. С. 143.
4. Там же. С. 199.
5. Там же. С. 191.

Л.П. Грот

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ КНЯЗЬ ОЛЕГ: ИМЯ И ЛИЧНОСТЬ

Одним из постулатов норманизма является утверждение тождества древнерусского имени Олег со скандинавским Хельги/Helgi. При этом, как и все норманистские постулаты, подобное утверждение выдается за давно доказанную и общепризнанную истину. Однако при ближайшем рассмотрении, как обычно, выясняется, что за категорическими утверждениями никаких реальных аргументов нет. Но по какой причине норманистам так важно настаивать на мысли о скандинавском происхождении имени Олег? Причина проста и хорошо выяв-

ляется из статьи Е.А. Мельниковой, специально посвященной этому вопросу: «Имя древнерусского князя, жившего в конце IX – начале X в... соотносится, с одной стороны, с антропонимом древнескандинавского (а не общегерманского) героического эпоса, а с другой – с именами современных ему (квази) исторических персонажей – представителей датских и норвежских локальных династий. ... Не исключено, что выходцем из этой среды был и тот Хельги, который оказался в Восточной Европе, во главе смешанного войска захватил Киев и стал великим русским князем» (1). Вот и объяснение: докажи, что имя Олега происходит от скандинавского Хельги, то это якобы докажет захват скандинавами Киева и образование ими в Восточной Европе гигантского государственного объединения от Балтийского моря до Поднепровья. В этом заявлении что ни фраза, то абсурд, поскольку за норманизмом нет фактов. По имеющимся сейчас достоверным научным данным, полученным благодаря исследованиям подводной археологии, ни в Дании, ни в Норвегии не имелось судов такого типа, которые могли бы плавать по восточноевропейским рекам. Традиционные скандинавские килевые суда с клинкерной обшивкой, приспособленные для морских плаваний, не годились для плавания по русским рекам с порогами и волоками. Поэтому выходцам из датско-норвежских «локальных» династий, как минимум, не на чем было бы добираться до Киева (2).

Стоит еще раз напомнить результаты исследований в области ДНК-генеалогии, которые обнаружили, что скандинавский субклад Z284 не обнаружен ни в Белоруссии (Полоцкое княжество), ни на Украине (Киев – «мать городов русских»). А.А. Клесов дополнил еще, что в списке из более чем 4000 гаплотипов R1a, из которых 1025 гаплотипов составляют скандинавский субклад Z284, есть всего три гаплотипа из России, и их обладатели – Казанцев из Перми, Колесов и Глебов из Казани, ни сном, ни духом не ведают, что их предки из Скандинавии. Самые далекие предки по мужской линии, им известные, родились, соответственно, в 1828, 1874 и 1800 гг. Полагать, что их предки относились к скандинавской знати, нет никаких оснований. Поэтому скандинавский вождь на Руси, который якобы стал великим русским князем – это ни что иное, как миф, «облако в штанах». Да и сам подход определять этническую принадлежность исторической личности по имени – абсурд. Откуда это в российской исторической науке? Работа с проблематикой западноевропейских исторических утопий, использовавшихся в Западной Европе уже с XV–XVI вв. для создания политических мифов как информационных технологий, показала, что все в норманизм пришло из шведского политического мифа XVI–XVIII вв., включая и попытку трактовать древнерусские летописные имена как «скандинавские» (3).

Провозгласил в XVI в. шведский писатель Иоанн Магнус, что имена различных героев древности имели готское, т.е. шведское происхождение, например, по его убеждению, имя Телефа из троянских мифов было испорченным шведским именем Елефф, и все деяния этого героя автоматически становились частью шведской истории! Пустились шведские придворные писатели XVII в. доказывать, что имя гиперборейского мудреца Абариса – это испорченное шведское имя Эверт, и после этого можно было начать утверждать, что вся Гиперборея, а значит и основы древнегреческой культуры были созданы предками

шведов! Стал на рубеже XVII–XVIII вв. шведский придворный историограф Олаф Рудбек доказывать, что имя летописного князя Рюрика – шведского происхождения, и пожалуйста, все древнерусское государство под его пером превращалось в деяние, созданное предками шведов!

Абсурдные фантазии Рудбека и других шведских мифотворцев о выдуманном величии шведской истории в древности были в XVIII в. перевезены в Петербург немецкими академиками – горячими поклонниками Рудбека. И с тех пор российская историческая наука истово занимается превращением всех древнерусских имен в скандинавские. Дело это невозможное, поскольку научно доказать то, что пришло из ненаучного источника, нельзя. Но стереотипы норманистских мифов пока цепко сидят в сознании людей, и потому скрупулезный антропонимический анализ летописных имен необходим, хоть уже изначально должно быть ясно, что все древнерусские летописные имена такие же скандинавские имена, как Телеф из троянских мифов или гиперборейский Абарис. Надо сказать, что если имя Рюрик было провозглашено шведским именем с соответствующим набором «вариантов», то для имени Олег очень долго не могли подобрать ничего путного. Байер сразу же задекларировал, что Олег также принадлежал к скандинавским именам, и «на камнях скандинавских находится Алак (я мню, Олав в Олег превращено)» (4). Вслед за Байером и Шлецер постулировал, что древнерусское Олег – это шведское Олоф (5).

Как видим, подбор скандинавских, конкретно, шведских «аналогий» для древнерусского Олега шел в лучших традициях И. Магнуса и О. Рудбека: никаких доказательств, поскольку эти доказательства для обращенных в рудбекианизм не требовались, их взгляды основывались на вере, что все в европейской истории – от гиперборейцев и готов до древнерусских варягов – вышло из Швеции, включая имена героев, богов, стран. Но даже для самых убежденных норманистов предлагаемые скандинавские тождества выглядели слишком гадательными, пока, наконец, А.А. Куник не выступил с заявлением о том, что у Константина Багрянородного имя Ольга передается как *Elga* (Ελγα), которое соответствует скандинавскому *Helga*, и что это и есть тот исходный вариант, от которого произошли имена Ольги и Олега (6). Предложение Куника было встречено норманистами с энтузиазмом, при этом никто даже не задался вопросом: а может, наоборот, может, скандинавская *Helga* есть производное от русской Ольги? Но никто и выяснять не стал: какое имя появилось первым – русское Ольга или скандинавская Хельга?

Впервые об этом заговорил С.А. Гедеонов в своем прославленном труде «Варяги и Русь», опубликованном несколькими десятилетиями позднее работы Куника. Гедеонов обратил внимание на то, что переход русского имени Ольга в греческое *Ελγα* естественнее объясняется «из природной греческому и славянским языкам равнозначимости звуков *o* и *e* ... сербский город Ольгун... у Плиния *Olchinium*... у Тита Ливия и Птолемея *Olcinium*... переходит именно у Константина Багрянородного в форму *Ελχίνιον*, относящуюся к *Olcinium*, *Olchinium*, как греческое *Ελγα* к русскому Ольга. ... Да и на каком основании будем мы допускать переход скандинавского *Hölgä* в русское Ольга, когда тоже начальное *Hö* в форме *Höskuldr* превращается, по мнению норманистов, в начальное «а» в

форме Аскольд... Все эти созвучия простая случайность, которой можно найти десятки примеров и в других языках» (7).

К интересным примерам, которые привел Геденов, стоит вернуться позднее, поскольку прежде надо разобраться с якобы скандинавской Ельгой/Хельгой и якобы производным от нее древнескандинавским мужским именем Хельги, от которого, по мудрому заключению норманистов, произошло русское имя Олег. Версия, предложенная Куником, зацементировалась в исторической науке. Ее подкрепил датский норманист В.Томсен, уже безапелляционно записав, что имена, которые встречаются на первых страницах летописи, хранят следы скандинавского языка, и в числе этих имен у него, само собой, присутствует имя Олега: «Oleg (Ol'g) = Helgi; Ol'ga (grek. Elga) = Helga» (8).

У современных норманистов данное утверждение предподносится, как истина в последней инстанции: «Этимология имени первого (? – Л.Г.) русского князя, – утверждает Мельникова, – никогда не вызывала сомнений: др.-рус. *Ольгъ* > *Олеги* восходит к древнескандинавскому антропониму *Helgi*. Это имя соответствует прилагательному *helgi* (стяженная и слабая форма прилаг. *heilagr* < **hailagaz*, др.-англ. *hālig* и др.), которое получило широчайшее распространение в Скандинавии в христианскую эпоху в связи с тем, что за ним закрепилось значение “святой”» (9).

Как известно, скандинавская «этимология» имени Олег вызывала самую серьезную критику и у С.А. Геденова, и у А.Г. Кузьмина, и у ряда других ученых. Но такова методика норманистов: если факты против них, то тем хуже... для науки. У А.В. Назаренко, например, видим безоговорочное утверждение: «...в природной скандинавской, а не в славянской огласовке звучало в Константинополе в середине X в. имя княгини Ольги – Ελγα...» (10).

Теперь пора сказать, что приведенные норманистские толкования – грубая ошибка. Скандинавское имя *Helgi* не могло стать предметом заимствования в древнерусский антропонимикон, поскольку *Helgi* – не полное имя, а гипокористика, т.е. уменьшительное имя, как Коля от Николая, как Ваня от Ивана и т.д. Об этом сообщает выдающийся шведский языковед и исследователь скандинавской антропонимики Карл Ивар Модээр (1904–1960) в его работе, изданной посмертно и представлявшей его последний труд (11). Кроме того, помимо гипокористики, имя *Хельги* зафиксировано как прозвище или дополнительное имя. О том, что *Haelge*, как в рунических надписях, так и в более поздних источниках обнаруживалось в качестве прозвища или дополнительного имени (*binamn*), писал шведский языковед Ассар Янцэн (12).

Здесь необходимо рассмотреть оба варианта использования *Хельги* в скандинавской ономастике: как гипокористики, и как прозвища/дополнительного имени. Это тем более важно, что норманисты либо полностью пропустили оба эти обстоятельства, либо закрыли на них глаза так же, как закрывали глаза на отсутствие Рослагена в IX в. и двести с лишним лет навязывали его в качестве прародины Руси.

Сначала проанализируем имя *Хельги* как типичную скандинавскую форму гипокористики. В связи с этим – несколько слов об уменьшительных именах в скандинавских именословах. Скандинавские мужские уменьшительные имена

образуются от одноосновных или двуосновных имен с помощью окончаний *-e* или *-u*, а женские – с помощью окончания *-a*. Например, уменьшительное имя от Карл – Калле, от Ларс – Лассе, от Олаф – Олле, от Харальд – Халле, от Germund – Gemi, от Gerlak – Geri; иногда одна и та же гипокористика могла иметь оба варианта окончаний, например, от имени Asbiorn могло быть как Ase, так и Asi и т.д.

Примеры образования гипокористик от женских имен: от Gunhild – Gunna, от Asrun – Asa, от Hildegærd – Hilla, от Ragnborgh – Ragna и т.д. И вот здесь внимание! На наших глазах улетучивается «природная скандинавская огласовка имени Ел҃҃а». Как показывает конкретное обращение к скандинавским языкам, женские скандинавские имена, оканчивающиеся на *-a*, являются уменьшительными формами, которые в официальных случаях, как это было в Константинополе, не употреблялись. Но женские имена с окончанием на *-a* в скандинавских именованных словах могут быть также заимствованными из иностранных именованных слов, например, из христианских или из славянских, например, Анна или Вера.

Причем спецификой заимствований в женских скандинавских именованных словах является традиция заимствовать полные имена и гипокористики от них как разные имена: Tanja и Татьяна, где Tanja – это одно имя, а Татьяна – это другое; то же самое можно сказать про имена Лена, Елена и Елин – это три разных имени. Факт того, что средневековые скандинавские полные женские имена не оканчивались на *-a*, относится к разряду элементарных знаний, поэтому по какому праву норманисты, среди которых много скандинавистов, уверяют, что имя Ел҃҃а имеет «скандинавскую огласовку, в рамках простой логики не понять. Поэтому пойдем дальше.

Очевидно, что за каждой гипокористикой должно стоять полное имя. Какое полное имя стоит за гипокористикой Хельги? В работе Модэера приводятся по этому поводу ясные сведения: имя *Hælghe* в шведском именованном слове является гипокористикой или уменьшительным именем от древнешведского двуосновного *Hælmger*, где первая основа имени *hælm-/hiælm-* или древнесканд. *hiælmber* < **helma*, соврем. 'hjälm' т.е. 'шлем', а вторая основа *-ger* от древнескандинавского *geir* 'spjut', т.е. 'копье'. Таким образом, общее значение для полного имени получается что-то типа «Шлемоносец», насыщенное воинской символикой, что для раннесредневековых скандинавских имен было характерно. И только в новошведском, продолжает Модэер (т.е. с XIII в., с переходом на латиницу), эта основа начинает выступать как форма слабого склонения прилагательного *helig* в значении 'святой'(13).

Поясню более подробно, что согласно существующей периодизации, появление так называемого новошведского (nysvenska) языка относят ко времени 1225–1526 гг. Начало этого периода связано с более широким распространением христианства и вытеснением рунного письма латинскими буквами. Благодаря этому отпала необходимость высекать надписи на каменных стелах, в качестве письменного материала стал использоваться пергамент. С помощью нового латинского алфавита можно было с большей точностью передавать разговорную речь, чем это позволял рунный алфавит (14). Вышеприведенное наблю-

дение Модэера относительно имени Хельги уникально по своей тонкости, поскольку позволяет проследить, как в шведской антропонимике шел процесс переосмысления архаичных именных форм и наполнения их новым содержанием под влиянием христианства. Ниже я поясню, что имеется в виду, но сначала еще раз задам вопрос: есть у российских скандинавистов вышеприведенные сведения? Нет, ни слова, ни вздоха. Не берусь судить, почему: в результате сознательного замалчивания или в силу ущербности знаний, и продолжу о гипокористиках в скандинавских именованных.

Во-первых, следует заметить, что скандинавские гипокористики от наиболее архаичных двусоставных имен при одном и том же окончании *-e* или *-u* образуются, по-разному используя первый и конечный именные компоненты: мог использоваться только один из них – либо первый, либо второй, а могли использоваться части обоих компонентов, как и было в случае с вышеприведенным *Hælge*, когда в уменьшительном имени использовалась часть первого компонента *hæl-* и часть второго компонента *-g* от *-ger*, оформленные окончанием *-e* / *-i*. Аналогичными примерами являются такие мужские гипокористики как *Geme* (вариант *Gemi*) от имени *Germund*, *Frille* от *Fridlev*, *Gulle/Guli* от *Gudhlev*, *Sibbe* от *Sighbiørn*, *Vibbe* от *Vibiørn* и др. (15). Во-вторых, в скандинавских именованных, как и в именованных других народов, одна и та же гипокористика могла образовываться от разных полных имен. Например, древнейшая гипокористика *Ari* (встречается в рунных надписях) могла быть образована от многих имен, начинавшихся на *Arn-* или *Ar-*. Например, уменьшительное *Ari* могло быть и от имени *Arnolf*, и от имени *Arvidh*. Кроме того, она могла образовываться и от имен, оканчивающихся на *-ar*, например, *Joar*, т.е. в этом случае гипокористика образуется из конечного компонента. Вот еще несколько примеров: *Aste* от *Asfast* и от *Asgot*; *Gere/Geri* как уменьшительное и от *Gerlak*, и от *Thorger*; *Asle* от *Aslak*, где используется только первый компонент, и от *Asulf*, где используются части обоих компонентов; *Tole*, варианты *Toli* или *Tuli* от *Thorlef*, *Thorlak* или *Thorlogh*, где в уменьшительном имени используются части обеих основ, и только по гипокористике невозможно определить, от какого конкретно имени произошло названное уменьшительное имя. Вариаций может быть много больше, например: *Guti* как уменьшительное от *Algut*, где второй компонент означает «гот», т.е. происходит от этнонима (16).

Но эта же гипокористика выступает и как производная от имени *Gudhvast*, *Guttorn* и др., где первый элемент означает «*gud*», «*god*» т.е. «*бог*». Янцён отмечал, что этот компонент являлся очень распространенным в скандинавских именованных, например, в таких именах как *Guðbjørn*, *Guðfastr*, *Gudhlef*, *Guðmundr*. Последнее имя варьировалось и как *Gunnmundr*, поскольку *gunnr* или *gudr* в древнескандинавском означало «*сражение, бой*». Когда-то даже считали, что все имена с *gud-* имели изначально форму *gunn-*, что оказалось неверным. Часть имен с первым компонентом *gud-* была заимствованиями из английского именованного, например, такое исландское имя *Guðini*, *Godene* (с XI в.) или его древнескандинавский вариант *Goden* – от англосаксонского *Godwine* (17). Приведенные примеры – хорошее подтверждение того, как древнескандинавские имена, рожденные в глубине язычества, осваивались и преобразовались в условиях распространения христианства и под влиянием культурных импуль-

сов извне. Древнее значение имен с основами *gunnr/guðr* как «сражение, бой» под влиянием имен, приходивших с Британских островов и с европейского континента, получало значение *guð* как «бог», родственное английскому *god* или немецкому *gott*. При этом рассматривая примеры гипокористик, Модээр отмечал, что в обиходной речи при образовании гипокористик могли не слишком строго придерживаться четких правил.

Чем вышеприведенные рассуждения интересны в связи с анализом гипокористики *Hælghe/Hælghe*? Они напоминают о том, что эта гипокористика несколько столетий бытовала в устной традиции, которая, как было сказано, отличалась вариативностью произносительных и формообразующих норм. На стыке языческой и христианской эпох одна и та же гипокористика оказывалась производной как от языческого имени, так и от имени с христианским звучанием. Например, вышеприведенное имя *Guti* могло образоваться от архаичного *Algut/Algot* или *Algautr*, где первый компонент от *alfr*, т.е. от слова альвы или эльфы (волшебные существа из кельтской и германской мифологии), а второй – от *gom*. Но могло быть связано со словом *guð*, как прошедшее процесс переосмысления от *gautr/gut* до *guð*, т.е. от архаичного именного компонента языческих времен до оформления его уже на христианский лад.

Подобную трансформацию должно было пережить и имя *Hælghe/Hælghe*, пройдя путь от языческой традиции к христианской, когда созвучность именных компонентов играла существенную роль. Вспомним, что наиболее ранние упоминания носителей этого имени фиксируются в героико-эпических сказаниях древнескандинавского эпоса, которые стали записываться не ранее XIII в., т.е. в тот период, когда христианские традиции, включая и именослов, более основательно утверждались в скандинавских обществах, когда латынь вытесняла рунную письменность и определяла, фактически, новый этап в развитии языка (например, «nysvenska» - «новошведский», основанный на латыни). Вот тогда-то, как следует из пояснения Модэера, воинский смысл гипокористики *Hælghe* как «Шлемоносца» стал переосмысливаться, наполняясь христианским содержанием и сливаясь по форме с прилагательным *helig*. Иначе говоря, *Hælghe* и *helig* шли навстречу друг другу не одно столетие, и на этом пути *Hælghe* должно было иметь более пеструю историю, чем это пытаются представить норманисты. Вследствие этого уверять, что за именем *Helghi* в разных источниках и в разные исторические периоды стоит только прилагательное *helig*, совершенно безосновательно.

Гипокористики представляли, наверняка, удобный ономастический материал для постепенного вытеснения старых именословов, благодаря вышеупомянутой особенности уменьшительных имен связываться с различными полными именами, что было общим свойством гипокористик, а не только особенностью скандинавских именословов. Например, в русском языке Глаша может быть уменьшительным и от Аглаи, и от Глафиры. Одна гипокористика может происходить от полных имен, принадлежащих к разным языкам: Тима – от Тимофея, но и от Тимура. Но гипокористики, как было показано выше, могут восходить и к различными сакральным традициям: летописное Данша (современное Даня) – от древнерусского Данслава/Данислава и от библейского Даниила (18).

Данислав восходит к древнейшему индоевропейскому именованию, где первый компонент Дан- от реликтового ведийского *дану-* «река, водный поток». Но с распространением христианства под языческую гипокористику Данша стал подводиться созвучный этому привычному имени христианский Даниил в значении «бог – мой судья». Так шел процесс замещения языческих имен христианскими, и гипокористики были очень удобным материалом. Аналогичный процесс, безусловно, переживал и скандинавский именованье: брались привычные гипокористики и наполнялись христианским содержанием. В широких кругах скандинавских обществ гипокористика *Hælghe/Hælghi* стала достаточно популярным именем, была принята как календарное имя. В именовании для простого населения оно встречалось иногда с весьма уничижительными добавлениями. Так, например, зафиксировано имя *Helgi Ingialdsfiðr*, т.е. Хельги-Ингьялдсидиот, что надо понимать так, что носитель имени Хельги был сыном Ингьялда и идиотом (19). Но это имя не закрепились в качестве династического имени для скандинавских королей. Объяснение лежит на поверхности: Хельги – это не «настоящее» имя, это – полуимя, а правители государственных образований полуименем не назывались. Странно было бы встречать такие наречения правителей как Олле Шетконунг или Слава Мудрый.

Приведенные данные позволяют сделать следующие предварительные выводы относительно *Hælghe/Hælghi* как гипокористики:

Уменьшительное имя *Hælghe* образовалось от *Hælmger*, двуосновного имени, которое отнюдь не соответствует прилагательному «*helgi*», как уверяет Мельникова, поскольку его первая основа – существительное *hælm-*, т.е. 'шлем', а второе – существительное *-geir* т.е. 'копье'. Таким образом, полное имя *Hælmger* и его гипокористика *Hælghe* были исходно связаны с воинской атрибутикой, с понятием 'защита', как и многие наиболее архаичные скандинавские имена. Соответственно, первоначальное значение этого имени может, примерно, пониматься как «Шлемоносец», т.е. очень далеко отстоит от «свято-сти». И только в новошведском, т.е. с XIII в., следовательно, через несколько веков после появления на исторической арене князя Олега, можно говорить о слиянии гипокористики *Hælghe* с прилагательным *helig/святой*. Из чего следует обобщение: полное имя *Хэльмгер* со значением 'шлем – копье' и его уменьшительное *Хельге/Хельги* никакого отношения к имени *Олег* иметь не могут, поэтому любые попытки лингвистического препарирования гипокористики *Хельге/Хельги* на предмет сближения его с русским именем Олег выглядят чистейшим рудбекианизмом, т.е. бессмыслицей. Имя *Хэльмгер* за пределы скандинавских именованье не выходило, но и внутри скандинавских именованье его носители ничем особенным себя не отметили. Это имя не вошло ни в один из династических скандинавских именованье ни как полное имя, ни тем более как его уменьшительная форма. Уменьшительные имена в древнерусский княжеский именованье не заимствовались, а заимствовались только полные имен-ные формы. Думаю, это касалось и заимствований в обычные именованье, а не только в княжеские. Уменьшительные формы от полных имен образовывались уже в среде русского языка, с адаптацией к его нормам.

Теперь следует рассмотреть Хельги как прозвище или дополнительное имя в скандинавских именованных. Согласно исследованиям Ассара Янцэна, как упоминалось выше, антропоним *Hælge*, например, в шведском именованном мог выступать в качестве прозвища или дополнительного имени (*binamn*), что нашло отражение как в рунических надписях, так и в более поздних источниках. Следует напомнить, что в европейских именованных существовала давняя традиция перехода прилагательных в антропонимы, для чего использовались эпитеты, относившиеся к божествам и героям. Например, многие эпитеты, которыми наделялись древнегреческие боги, становились личными именами. В частности, относившийся к Афродите эпитет *маргарито* – жемчужная превратился в личное имя Маргарита, а другой ее эпитет *морская* (по-гречески – *relagios*) дал два имени: *Пелагея* и в переводе его латинского варианта – *Марина* (20).

Многие скандинавские лингвисты подчеркивают особую роль прозвищ в развитии скандинавской антропонимики. Ассар Янцэн отмечал, что прозвища, характеризовавшие какие-то личностные качества человека, могли закрепляться как обычные имена и начинали передаваться по наследству. Прозвища, подчеркивал Янцэн, играли в скандинавской антропонимике гораздо большую роль, нежели в остальной части германоязычного мира. Очень часто дополнительное имя, практически, вытесняло основное имя, т.е. человека начинали именовать только по прозвищу, которое постепенно осваивалось как родовое или локальное личное имя. Таким образом, прозвища пополняли скандинавские именованные новыми именами. Подобный процесс образования новых имен наиболее отчетливо проявился в простонародных именованных (21).

Прозвища как аналоги личных имен в скандинавских именованных образовывались разным способом: от титулов, по профессиональной принадлежности, от названия местности или от прилагательных, характеризовавших особенности личности и пр. Грамматически прозвища как дополнения к личному имени образовывались часто сходным с гипокористиками образом, т.е. с помощью окончания *-e* или *-u* для мужских имен. Например, *Pedher Danske* – *Петер Датчанин* или *Berier Werme* – *Бирье Вэрмландец* (т.е. из области Вэрmland) и т.д. От прилагательных часто образовывались прозвища, характеризовавшие личностные качества, например, *Galne* 'безумный', *Godhe* 'добрый' и пр. (22). Среди ряда прозвищ в средневековом шведском именованном, таких как *Frodhe* 'мудрый', *Glípe/Glīpi* 'алчный' Янцэн называет и *Hælge* как дополнительное имя при антропонимах, связанных с названием местности (23).

По моему предположению, традиция широкого использования прозвищ или дополнительных имен в скандинавских именованных способствовала слиянию архаичной языческой гипокористики *Hælge* с прилагательным *helig/святой* и трансформации ее в прозвище (*binamn*) *Hælge* с новым христианизированным содержанием, которое постепенно закрепилось как самостоятельное личное имя. На эту мысль наводят, в том числе, рассуждения шведского лингвиста Свена Экбу. Он также подчеркивал ту особую роль, которую играли прозвища в развитии скандинавской антропонимики. Среди приведенных им примеров прозвища или дополнительные имена могли быть безартиклевые, например, *Haraldr ungi* (Харальд молодой), *Þórarinn spaki* (Торарин умный), а также ар-

тиклевые, например, *Eilifr hinn ungi* или *Eilifr den unge* (Эйлиф молодой), *Runulf hin rǫpsaki* или *Runulf den ráðkloke* (Рунульф рассудительный), *Eriker hin hælghi* или *Erik den helige* (Эрик святой) и др. (24)

Последний пример касался шведского короля Эрика Святого (1156–1160), причисленного католической церковью к лику святых. Другими скандинавскими королями, причисленными к лику святых, были норвежский Олаф Святой (995–1030) и датский Кнут Святой (1040–1086). Совершенно очевидно, что особо развитая традиция использования прозвищ в скандинавских именованных поспособствовала восприятию прозваний *hin hælghi*, совр. *den helige* 'святой', данных церковью вышеназванным скандинавским королям, в качестве аналогов личных имен.

Кроме того, в христианскую эпоху прозвание *den helige* 'святой' сделалось неотделимым приложением к именам христианских мучеников, входивших вместе с распространением христианства в скандинавские именованные. Например, большое распространение получило имя католического святого Стефана – *den helige Staffant* (*Sankt Stephanius*). Этим именем – *den helige Staffan* – прозывался также шведский святой и проповедник христианства в Хельсингланд у саамов в начале XI в., о нем упоминает и Адам Бременский. Правда, у Адама Бременского имя проповедника зафиксировано как *Stenfi*, что соответствовало скандинавскому *Stenfin*. Но в шведской истории он стал почитаться под именем, созвучным имени католического святого, как *den helige Staffan*. И это феномен известный – имена христианских святых старались «накладывать» на местные имена. Другим популярным в скандинавских странах католическим святым стал Святой Лаврентиус. Его памяти был посвящен Домский собор в Лунде, возведенный в XI в. (перестроенный в XII в.) и получивший название собора Святого Ларса (*Sankt Lars*).

Таким образом, мы видим, что с распространением и утверждением христианства в скандинавскую лексику входит слово *helig* 'святой', от общего для германских языков прилагательного: нем. *heilig*, древнесакс. *helag* и др., которое стало образующим для прозвища *hin hælghi/den helige* 'святой', созвучного старинной гипокористике *Hælghe*, благодаря чему это уменьшительное имя стало приобретать христианизированный образ. Но даже и в форме прозвища с содержанием 'святой' *Hælghe/Hælghe* не было принято как королевское имя, так и оставшись лишь прозвищем.

В чем здесь дело? Для осмысления этого факта следует обратиться к другому примеру образования антропонима из прозвища, заимствованного в скандинавские королевские именованные со стороны. Речь идет об имени имя Магнус. В именованных скандинавских королей оно вошло, заимствованное с европейского континента, от прозвания короля франков *Carolus Magnus*, т.е. *Карл Великий* (25). Вот это прилагательное или *magnus* 'святой' скандинавы приняли как антропоним. Интересно, что в западноевропейских именованных существовало и личное имя Магнус. Его носили многие прославленные католические святые (например, мученик святой Магнус в III в.), итальянские и британские христианские мученики. Но в скандинавских именованных, как обращал внимание Янцэн, имя Магнус носило профанный характер, и хорошо прослеживается его

связь именно с прозвищем короля Карла Великого, которое от лат. *Magnus* трансформировалось в скандинавских странах в антропоним.

Этому, наверняка, способствовали и имевшие широкое хождение предания о Карле Великом. Они сделались ядром французского эпоса, оформившегося в период IX–XI веков. Песни о героических деяниях Карла расходились кругами по европейским странам, создавая вокруг его имени героический ореол, что и делало его привлекательным для заимствования в королевский именовослов. Первым его носителем был сын норвежского короля Олафа Святого – король Норвегии и Дании Магнус Добрый (1024–1047), после чего это имя стало очень популярно как в скандинавских династийных именовословах, так и среди обычных людей. В процессе адаптации к скандинавским языкам прилагательное *magnus* получало в именовословах простолюдинов такие именные формы как *Mognus*, *Mogens*, *Mons* и др. (26)

В этом случае мы видим яркий пример того, как прилагательное *magnus*, функционировавшее в качестве дополнительного имени или эпитета, могло перейти в антропонимикон и стать королевским именем, будучи прославлено его носителем – крупным удачливым политиком. Интересно отметить, что это имя отразилось и в литературных произведениях исландских писателей. В «Младшей Эдде» Снорри Стурлусона (написана около 1220 г.) действует сын божества Тора и великанши Яарнсаксы по имени *Магне* (27).

Магне – литературный антропоним, образованный в той же форме слабого склонения прилагательного, как и *Hælghe*, иначе говоря, в форме антропонима-прозвища, образованного от прилагательного: *den magne* 'сильный'. Относительно происхождения данного имени от почетного прозвания короля Карла Великого и его появления в форме Магнус в скандинавских именовословах мы располагаем самыми бесспорными свидетельствами, приведенными выше. Следовательно, до того, как быть воспроизведенным Снорри Стурлусоном в качестве имени литературно-мифического персонажа в XIII в., оно вошло в королевский именовослов еще в XI в., под влиянием культурных импульсов с европейского континента.

Имя *Helghi/Heglæ* в значении 'святой' также обнаруживается в скандинавских эпических произведениях, и вполне логично предположить, что оно подобно имени *Магне* из «Эдды», вошло в именовослов литературно-эпических героев как дополнительное имя, образованное из прилагательного, трансформировавшееся в антропоним. Подтверждением того, что имя *Hælghe (Hælgе)* в шведских именовословах в христианскую эпоху стало пониматься в значении 'святой', служит отмеченный Янцёном факт перевода на латынь имени *Hælghe* как *Sankte* (29).

Тот факт, что имена новых именовословов, входивших в духовную жизнь общества вместе с новой сакральной системой, дублировались в форме переводов на родной язык, хорошо известен. Например, для русских именовословов отмечено, что греч. *Агафон* (в переводе «добрый») соответствует русскому имени *Добрыня*, лат. *Павел* (в переводе «малый») соответствует русским *Мал*, *Малой*, *Малыш*, греч. *Агапий* и др.-евр. *Давид* – русскому *Любим*, греч. *Петр* и сирийск. *Кифа* – русскому *Камень*. И такое имя было в составе древнерусского

именослова, от него пошла фамилия Каменевы (30). Поэтому зафиксированное Янцёном дублирование *Hælghe* как латинского *Sankte* в одном средневековом шведском источнике показывает, каким длительным и непростым был процесс укоренения в скандинавских именословах имен с христианским содержанием, а также тот факт, что *Hælghe* как прозвище в значении 'святой' было пришлым с континента.

Как уже отмечалось ранее, распространению христианизированных имен в скандинавских странах содействовало, безусловно, укрепление христианской церкви на европейском континенте, что обогащало скандинавские языки христианской лексикой и христианскими ценностями. Одной из составляющих этого процесса в европейских странах было и создание новых имен – феномен известный: новые идеологические ценности создают моду и на новые имена. Видную роль в популяризации новых ценностей играли деятели культуры, писатели. Так на европейском континенте от прилагательного 'святой', общего для германских языков (древнеангл. *hālig*, древнесакс. *helag*, нем. *heilig* и др., тождественные *saint*), было образовано литературное имя англосаксонских поэтов *Hāлга*. Понятно, что эти новые континентальные культурные искания не оставались неизвестными для образованных слоев скандинавских стран. Выше было упомянуто, что именно из общегерманского лексикона вошло в скандинавские языки прилагательное *helig* в значении 'святой': дат. *hellig*, норв. *hellig*, шв. *helig*. А вместе с новой христианской лексикой с европейского континента пришла и «мода» при помощи этой лексики христианизировать прежние имена, в частности, имя *Helghe* по типу *Hāлга* от *hālig*. То, что скандинавские писатели были внимательны к новинкам с европейского континента, говорит имя *Магне*, выбранное Снорри Стурлусоном для своего мифического героя. Возможно, именно под влиянием литературных веяний с европейского континента имя *Helghe/Helgi* было введено в литературные именословы героев исландско-норвежской литературы, а также привлекло внимание датского писателя Саксона Грамматика и было им использовано в рассказах о легендарных, т.е. вымышленных правителях данов. Но между статусом имени Магнус, образовавшегося от прилагательного *magnus* и статусом прозвища Хельги, образовавшегося от прилагательного *helig* в скандинавских именословах видна большая разница. Имя Магнус вошло в скандинавские именословы с главного входа: его приняли один за другим скандинавские короли, вследствие чего оно быстро сделалось наиболее популярным именем и среди обычных людей. Другое дело с прозвищем Хельги. Его непрофанный характер, ассоциировавшийся, вероятно, с мученической аурой, не подходил для королевских именословов. Поэтому так же, как и в случае с *Hælghe* гипокористикой, *Hælghe/Helgi* как прозвище стодилось также только для простого люда. Означало ли это, что людей, к личному имени которых добавлялось прозвание *Hælghe*, воспринимались как святые? Думаю, что обыденное сознание скандинавского общества глубоко не вникало в новый «святой» смысл прозвища, созвучного старинной привычной гипокористике *Hælghe*, для того, наверняка, и требовался к нему иногда латинский «дублер» *Sankte* для лучшего усвоения новых ценностей. В книге Модёера приводится имя одного шведского крестьянина как *Pedher biskop*, т.е. *Петер епископ*.

скоп (31). Понятно, что *епископ* было не должностью крестьянина, а его дополнительным именем, возможно, данным ему еще отцом: слово хорошее, и важные люди им прозывались, пусть это дополнительное имя, подумалось отцу, проторит сыну дорогу благополучной судьбы. Так было, похоже, и с *Hælghe*, воспринятым в простонародных именованных словах как прозвище в дополнение к основному имени: слово хорошее, достойные люди им величались, вот и стали приписывать его как дополнительное имя к основному личному имени.

Для понимания того, как в письменных источниках сблизилась и смешалась гипокористика *Hælghe* от 'Шлемоносец' и *Hælgе/Helgi* от 'святой', следует хорошо понимать, что особое влияние на скандинавские именованные слова стало оказывать все более полное распространение латинского алфавита с XIII в., т.е. с того периода, когда начали записываться исландские саги. Датский исследователь в области ономастики Рикард Хорнби распространение латиницы в датской культуре назвал «властью латыни». С постепенным утверждением латинского алфавита произошла сильная латинизация многих собственных имен. Перед гласными в именах стали писать знак придыхания «h», например, *Herikus* вместо *Erikus*, *Номегус* вместо *Омер* или *Орм*. Женское имя *Elena*, которое в народной традиции было известно как *Ellind* или *Elin*, получило форму *Helena*. *Elias* (Илья) стало *Helias*. Так, писатель периода Реформации *Poul Helgesen* стал величать себя *Paulus Helie* вместо *Elie*. Уменьшительные имена от имени *Elias/Helias* стали принимать форму, идентичную с *Helghi*, и наоборот. Имя *Helghi* в иностранных источниках передавалось на немецкий лад как *Heilige* (32), что естественно, поскольку на немецком *heilg* – святой, *Heiland* – спаситель и т.д. Например, в словаре датских личных имен под именем *Helghi* зафиксированы такие варианты наряду с *Helghi* и его латинским вариантом *Helgo* как: *Heiligen*, *Eiligen*, *Helgonj*, *Hæliess* (*Paulo Hæliess* 1341), *Hælgonis* (*Petri Hælgonis* 1350), *Helyo*, *Heli* и т.д. (33)

По-моему, такой разброс в письменной фиксации одного и того же антропонима в период «власти латыни» сильно осложняет возможность проецировать этот антропоним на ранние исторические периоды, т.е., проще говоря, мы не можем знать со всей определенностью, как то или иное имя звучало в устной традиции и строить на этом безапелляционный лингвистический анализ.

Мы не знаем, как произносились созвучные прилагательному *helig* более архаичные гипокористики скандинавских именованных слов, например, имя одного из легендарных первопоселенцев в Исландии *Helgi hinn magri* – *Хельги Худого* в X в. (к этому периоду относят время его жизни). О Хельги Худом известно, что он был обращен в христианство, но не хотел расставаться и с почитанием Тора (34). Может, написание его имени в явно христианизированной форме заключало в себе символический штрих, характеризовавший ту переходную эпоху?

Мы должны иметь в виду, что сюжеты, где носители этого имени фигурируют, могли относиться к периоду IX–X вв., но известные нам по воспроизведениям в исландских рукописях XIII–XV вв. (35), эти имена с большой долей вероятности либо прошли христианскую «модернизацию» (от *Hælghe* 'Шлемоносеца' к *Helghe* 'святому'), либо были прямым порождением христианской эпохи – прозвищем *Helghe*, переводом *Sankte*.

Более того, согласно убеждению, высказанному в вышеприведенной статье Е.А. Мельниковой, «личное имя Хельги/Хельга... отмечается, прежде всего, в именованном Скьелдунгов – легендарной (здесь и далее курсив мой – Л.Г.) династии правителей о. Зеландия... а также в других циклах и сюжетах древнескандинавского эпоса, происхождение которых может быть связано с датскими и норвежским культурным ареалом» (36). В статье называются и те произведения, в которых имя Хельги фигурирует как имя героев эпических произведений. Это английский героический эпос «Видсид» («Widsith»), сохранившийся в Эксетерской книге – самом большом сборнике англосаксонской поэзии X в., хранящемся в библиотеке Эксетерского собора, а также эпическая поэма «Беовульф», созданная в начале VIII в. и сохранившаяся в списке XI в. Кроме того, это легендарная часть истории данов у Саксона Грамматика, «Круг земной» Снорри Стурлусона и др.

Но дело в том, что именованное сказаний, героико-эпических произведений весьма специфичен. Многие их имена несут символическую нагрузку, концентрируют в себе идейный замысел произведения. Поэтому, например, в русских былинах мог действовать герой по имени Алеша Попович, но совершенно невозможно представить уменьшительную форму имени для княжеского или царского именованного: был царь Алексей Михайлович, но никому не приходило в голову именовать его царь Алеша Михайлович. Янцён подчеркивал, что многие личные скандинавские имена дохристианского периода очень трудны для понимания и толкования. Антропонимическая часть лексики, по его словам, со временем оказывалась подверженной сильному «износу», именные компоненты, составившие имя, могли претерпевать значительные изменения. Возможны случаи, когда начальный компонент мог иметь несколько источников происхождения (37). Собственно, это вполне может быть отнесено к гипокористике *Hælg* и к прозвищу *Hælg/Helgi*.

А что же норманисты? Как они конкретно доказывают продекларированное тождество древнерусского имени Олег со скандинавским Хельги/Helgi? Для этого им следовало бы, во-первых, увязать явно христианскую сущность прилагательного *helig* – святой с именем князя-язычника Олега, а во-вторых, показать, что от прилагательного *helig* в скандинавских именованных образовывались и другие имена, как это и должно было бы происходить на основе архаичного принципа варьирования, когда каждый именной компонент мог соединяться с целым рядом других компонентов и образовывать новые имена. И сразу можно сказать, что ни того, ни другого обосновать норманистам не удастся, поскольку невозможно доказать то, что пришло из политического мифа рудбекианизма.

Итак, как пытаются убрать первый неудобный момент и вытащить из христианского слова *helig* более древний языческий смысл? В статье Мельниковой читаем: «...имя *Helgi-Олеги* также имело значение “святой, священный”, а в языческую эпоху отражало представления о сакральности верховной власти» (38). Весьма напыщенно, но напрочь лишено научного содержания. А какое имя предводителя в архаичную эпоху не отражало представлений о сакральности власти? В древнескандинавском *Hælmger*, от которого образовалось

Hælghe, с воинской семантикой 'шлем' и 'копье' также можно, при желании, обнаружить представления о сакральности.

Но эта языческая часть истории имени Хельги у норманистов блистает своим отсутствием, поэтому вместо стройной цепи доказательств предлагается чистейшее сочинительство, притом самого неуклюжего толка, что статья Мельниковой и демонстрирует: «...прямолинейная экстраполяция христианского значения опасна, поскольку не учитывает возможные трансформации семантики слова. Поэтому для выяснения истоков и путей образования имени и прозвища князя *Оле́гъ Веи́ций* на древнерусской почве представляется необходимым обратиться, с одной стороны, к употреблению прилагательного *helgi* и установить комплекс связанных с ним дохристианских представлений, а с другой стороны, – к распространению образованного от него антропонима в Скандинавии также в дохристианское время... Слово *heilagr* многократно встречается в эддических мифологических и героических песнях... Архаичное значение слова просматривается в юридических терминах *fríð-helgi* “безопасность благодаря установлению мира”, *mann-helgi* “сакральность личности”, *þing-helgi* “священные границы тинга”... Как кажется, прояснить дохристианское понимание слова *heilagr/helgi* оказывается возможным этимологически, при обращении к производным от корня **hail-* в древнеисландском языке. В одно с ним лексическое гнездо входят такие слова, как *heill*, прил. “целый, целостный, цельный, неповрежденный” и *heila*, гл., “делать целым, лечить”, откуда *heilsa* “здоровье; а также здоровый, исцеленный” (от ран, болезни); *heila*, гл. “околдовывать, заговаривать”, а также *heil*, сущ. ср. или ж. р. “удача, везение”... .. *Казалось бы, апеллируя с таким семантическим полем должен был бы быть широко употребителен в качестве личного имени уже в древнегерманское время* (курсив мой - Л.Г.). Однако основа **hail-* в древнегерманских, а затем и древнескандинавских личных именах встречается редко... .. В древнескандинавском именослове корень **hail-* дал только одно личное имя – *Helgi* (в женском роде *Helga*, др.-англ. *Halga*)...» (39). Короче говоря, имен-то с корнем **hail-* в скандинавских именословах норманисты не нашли! Такой вывод проглядывает сквозь нагромождения лингвистической умозрительности, если восстановить его истинную сущность. Слова «здоровье» или «целостность» есть, а имен-то нет! И зачем обращаться именно к древнеисландскому? Совершенно также и в немецком: *heil* 'целый, невредимый', *Heil* 'благо, счастье, спасение', *heilen* 'излечивать, лечить' – вся лексика является общегерманской! Зачем древнеисландскими «производными» тень на плетень наводить? А необходимо это для того, чтобы создать иллюзию длительного использования имени Хельги/*Helgi* именно в скандинавской традиции. Мельникова разъясняет, что имя *Helgi* соответствует прилагательному *helgi* – слабой формы от *heilagr* <**hailagaz*. Данное прилагательное впервые встречается в рунической надписи на золотом кольце из Пьетроассы (совр. *Pietroasele* в Румынии), фотокопия которой выглядит как «*gutaniowi hailag*» и которую датируют чаще всего рубежом IV–V веков. Нет никакой необходимости погружаться здесь в сложности толкования этой краткой надписи и останавливаться на существующих вариантах. Здесь важно только то, что значение слова *hailag*

однозначно связывается с понятием сакральности и переводится как 'священный'. То есть прилагательное *hailag* со значением 'священный' существовало с IV в. – факт бесспорный! Но скандинавских имен, образованных от этого прилагательного как именной основы, не удастся зафиксировать в источниках вплоть до эпохи распространения христианства в скандинавских странах. Литературное имя англосаксонских поэм *Hǫlga* здесь не в счет, хотя и между ним и надписью из Пьетроассы пролегает путь в несколько столетий.

Мельникова показывает, что слово *heilagr* часто использовалось в эддических мифологических и героических песнях, а затем закрепилось в значении «святой» в христианскую эпоху. Ничего удивительного в этом нет, поскольку слово 'священный' имеет самое широкое применение во всех языках. Священна родная земля, священны ее границы, священна ее природа. И вполне естественно использовать его в поэтической лексике героико-эпических произведений. Но лексика лексикой, а скандинавских антропонимов-то для первого тысячелетия нет! Кроме тех, разумеется, которые норманисты придумали сами в качестве изложницы для имени Олега и Ольги. И это свидетельство того, что корень **hail-* из слова *heilagr*, от которого образовалось прилагательное *helig*, не являлся именным компонентом в скандинавских именословах, в которых в дохристианскую эпоху действовал принцип варьирования, обеспечивавший использование именных компонентов для множества имен, особенно это касалось компонентов, наполненных возвышенным содержанием. Напомню, как этот принцип варьирования действовал для образования имен в раннее средневековье. Например, такая именная основа в скандинавских именословах как *Ás-*, от названия богов асов фигурировала во множестве имен, например, *Ásbjörn*, *Ásbrandr*, *Ásgautr*, *Ásgeirr*, *Ásgrimr*, *Ásleifr* и т.д. Или основа *Ger-* от древнешв. **ger-*, древнесканд. *geirr-*, выступавшая как второй компонент в имени *Hælmger*, давшего уменьшительное *Hælghe*, могла выступать и как первая основа имени в таких мужских именах, как *Ger(h)vat*, *Gerlak*, *Gerlej*, *Germund*, *Gerthorn*, *Gervast*, *Gervidh*, или в женск. именах как *Gerhild*, а также в женских именах из рунных надписей *Geirun*, *Geirvi*. Тот же принцип действовал и в славянских именословах. Компонент *слав-*, например, образовывал имена Святослав, Святополк, Святовит, но использовался и в качестве конечного компонента в именах Мирослав, Ярослав и др.

А в случае с такой замечательной основой как *heilagr/helgi* его участие в образовании скандинавских имен на основе принципа варьирования не наблюдается! И благодаря знакомству с исследованиями Модэера мы знаем теперь, что так оно и было. В образовании имени *Hælghe* исходно участвовала совсем другая основа, а именно *hiælm-* в значении 'шлем', которая участвовала в образовании целого ряда имен, в том числе *Hælmger*, от которого *Hælghe* было уменьшительной формой. Только в ходе распространения христианства созвучное *helig* 'святой' наполнило старинное *Hælghe* – *Шлемоносец* новым христианским содержанием. Так и только так происходила замена языческих имен на христианские: с использованием созвучий, а не благодаря какому-то слиянию семантических полей – союзу языческого с христианским, как сочиняют норманисты. Когда большая часть населения проживает в лоне устной традиции, то

только созвучия могли помочь освоению новых духовных ценностей через имена.

Но у норманистов есть еще один «козырь» – это отождествление князя Олега с одним из героев норвежских саг Оддом Стрелой. Вот, дескать, антинорманисты утверждают, что у нас источников нет. А в «Саге об Одде Стреле» рассказ о смерти ее героя тютелька в тютельку совпадает с рассказом о смерти Олега от укуса змеи. Откуда бы такое знать исландскому составителю саги? Ясно-понятно, что Олег был оттуда, из Норвегии, там исландец и нашел сюжет для саги – примерно, в таком плане внушается мысль о том, что «Сага об Одде Стреле» подтверждает тот факт, что князь Олег – был выходцем из среды «датских и норвежских локальных династий». Конкретно, рассуждают таким образом: «Рассказ саги... о смерти Одда... был сопоставлен исследователями с летописным рассказом в Повести временных лет... о смерти князя Олега от укуса змеи... сказания об Одде и Олеге, сохранившиеся в этих двух памятниках, проявляют значительное сходство, что позволило исследователям поставить вопрос о едином источнике, лежащем в их основе...» (40). Что это за «единый» источник, без обиняков разъясняется в работах Мельниковой: «Среди многочисленных сюжетов о деяниях первых русских князей... наиболее показательным является предание о смерти князя Олега, восходящее к тому же источнику, что и “Сага об Одде Стреле”... Возникшее в среде дружинников-варягов сказание об их вожде и киевском князе Хельги-Олеге, таким образом, изначально являлось историческим преданием о реально существовавшем человеке и отражало мифо-ритуальное сознание скандинавов, опираясь на языческие традиции севера. На Руси, видимо, еще в устной передаче сказание, с одной стороны, подверглось дальнейшей историозации, с другой – были устранены непонятные в XI в. скандинавские языческие реалии и коннотации. В Скандинавии, напротив, сказание деисторизировалось... но сохранило – на сюжетном, но не семантическом уровне – мотивы, восходящие к мифо-ритуальной практике эпохи язычества» (41).

Все это – вещи известные, отражающие норманистскую характеристику Повести временных лет (ПВЛ), которая, по словам В.В. Фомина, трактует эту летопись «как памятник, вобравший в себя многие скандинавские мотивы...» (42), постоянно тиражируемую норманистами в форме общего постулата о том, что рассказ ПВЛ отражал «мировосприятие, менталитет и культурные традиции древних скандинавов... Отбор и форма репрезентации устной традиции... сопровождалась существенной переработкой... Наиболее ярким примером подобных модификаций служит сказание о смерти Олега: в летописном преломлении мотивы, наиболее тесно связанные с древнескандинавской мифологией и культовой практикой... практически полностью элиминированы. Славянизация первоначально скандинавской дружины сделала эти мотивы непонятными, и установить их изначальное присутствие в сказании возможно только при сопоставлении со скандинавским вариантом того же сюжета (в “Саге об Одде Стреле”) (43).

Что ж, давайте сопоставим рассказ ПВЛ о князе Олеге со скандинавским вариантом. «Сага об Одде Стреле» принадлежит к так называемым сагам о древних временах – особому жанру саг, получившему развитие в XIII и XIV вв. Саги

эти носят легендарно-фантастический характер, историческое ядро там выделить подчас невозможно. О чем повествует названная сага, появившаяся не ранее второй половины XIII в., и как ее герой Одд мог быть связан с князем Олегом? Согласно саге, Одд – выходец с хутора Берурьедра в Норвегии. Пророчица предсказала ему смерть от головы его коня. Одд убивает коня, сбрасывает его тушу в яму и заваливает камнями, засыпает песком и грязью. Жизнь Одда проходит в путешествиях по разным странам, таким как Гардарики, где Одд становится правителем, женившись на дочери умершего короля. Через несколько лет Одд решает посетить родные места в Норвегии. Приехав, он увидел, что там все пришло в запустение, родной дом разрушен, развалины обильно поросли осокой. Бродя по пустырю, Одд спотыкается обо что-то, что оказывается черепом когда-то убитого им коня. Из черепа взвивается змея и жалит Одда в ногу «повыше лодыжки. Яд сразу подействовал, распухла вся нога и бедро. От этого укуса так ослабел Одд, что им пришлось помогать ему идти к берегу, и когда он пришел туда, сказал он: “Вам следует теперь поехать и вырубить мне каменный гроб... Не нужно ничего другого предпринимать, все, что случилось, уже предсказала вельва, и потому сейчас я лягу в каменный гроб и там умру”. ... И тогда лег он в каменный гроб» (44).

На мой взгляд, рассказ о смерти главного героя саги, которому норманистами придается такое чрезвычайное значение для отождествления князя Олега с Оддом, совершенно очевидно представляет компиляцию из двух древнерусских сюжетов. Первый – это смерть князя Олега от укуса змеи, выползшей из черепа коня, согласно преданию, рассказанному в ПВЛ. Второй – это смерть древнерусского богатыря Святогора в каменном гробу, на который натолкнулись Святогор и Илья Муромец, разъезжая по Святым горам (45). Что такое летописное предание о смерти князя Олега? Это полный иносказаний рассказ о смерти сакрального вождя, жизнь которого была прервана волею высших сил, олицетворенных в образах коня и змеи. У ариев и древних русов конь был священным животным, наделенным собственной божественной сущностью или выступавшим спутником/соратником божественных сил: рыжие кобылицы солнцезбога Сурьи, священный конь-прорицатель Святовита, Сивка-Бурка вещая Каурка русских сказок – вещей конь, связанный с волшебной властью. Поэтому рассказ о смерти Олега Вещего нельзя воспринимать в буквальном смысле: как рассказ о смерти, вызванной укусом змеи. Змея и конский череп в этом рассказе – атрибуты древнерусского языческого божества Волоса, зооморфными воплощениями которого были конь и змея (змею норманисты отбросили, поскольку не знали, что с ней делать!), и которому служил князь Олег. А картина его смерти – архаичнейший обычай ритуальной смерти, которой предавали стареющего сакрального правителя. Этот обычай имел очень древние истоки, зафиксирован в истории многих народов и в частности, прекрасно описан известным этнографом Д. Фрэзером (46).

В эпоху мифо-поэтического сознания люди видели прямую связь между физической силой и молодостью обожествляемого правителя и благополучием социума. Соответственно, считалось, что стареющий и дряхлеющий правитель теряет способность приносить своему народу стабильность и процветание, по-

этому требовалось заменить его новым правителем – молодым и сильным, старый же царь подлежал ритуальному умервщлению – такой жестокий обычай стал со временем заменяться ограничением срока правления царя на определенное количество лет, но это уже вопрос из другой темы. Наиболее архаичной разновидностью ритуального умервщления было ритуальное самоубийство, например, как в мифах о гиперборейцах (47). Но постепенно сформировался запрет на самовольный уход из жизни, поскольку крепло убеждение в том, что жизнь и смерть зависят от богов, представителями которых были жрецы или иные представители власти, связанные с ними. Жрецы могли выступать такими провозвестниками богов, а смерть наступала от принятия яда. Под влиянием христианства рассказ о ритуальном умервщлении состарившегося сакрального правителя с целью освободить место новому молодому правителю был закомуфлирован под занимательную историю.

Жреческое сакральное значение князя Олега подкрепляется и его прозвищем «Вещий», т.е. обладающий даром прорицателя и провидца, вещающего волю богов, несущего их весть и ведь – знание, открытое богами посвященным. Кроме того, сакрализация образа князя Олега выразилась и в якобы разноречивых сведениях о его захоронениях – в Киеве, в Ладого и «за морем», т.е. на южнобалтийском побережье. Разноречивы эти сведения только с точки зрения профанного знания, но с точки зрения знания сакрального, они точно соответствуют древнейшему представлению о происхождении Вселенной из разных частей тела Первобожества, расчлененного в ходе жертвенного ритуала для творения мира. Смерть сакрального вождя, согласно этим древнейшим представлениям, служила точкой отсчета для нового возрождения управлявшегося им мира – «воспроизведение в ритуале нового сотворения порядка из хаоса, повторение космогонического акта в ритуале...» (48). Ритуал космогонического акта воспроизводил творение Вселенной из частей тела Первобожества, которое олицетворялось скончавшимся сакральным вождем – в летописном предании им был князь-жрец Олег, а летописные географические координаты Киев, Ладога и «заморье» маркировали границы той территории, гением-хранителем которой он воспринимался и где должно было состояться захоронение частей его праха.

Что же касается Саги об Одде, то это неумелая компиляция предания об Олеге, сделанная людьми, для которых предание – просто занимательная история. Они совершенно непосвящены в его символический контекст. Отсюда забавно натуралистические подробности: змея укусила его повыше лодыжки, яд сразу подействовал, распухла вся нога и бедро. Да, и вся непривлекательная сцена убийства коня, с подробностями того, как несчастного конягу засыпали камнями и грязью, говорит о том, что исландские компиляторы древнерусского предания не понимали сокровенного его смысла. Поэтому и прицепили в конце часть былины о Святогоре, стремясь сделать рассказ поэффектнее.

Чтобы понять, каким образом мотивы из древнерусских преданий, письменно зафиксированные русскими летописцами в начале XII в, попали в сагу об Одде Стреле, созданную не ранее середины XIII в., надо представить себе особенности политической и культурной жизни Исландии и Норвегии, поскольку с 1258 г. Ис-

ландия стала ярлством под властью норвежского короля Хокана IV Хоканссона (1217–1263). В то время в Норвегии проявился интерес королевской власти к европейской литературе, начался, что называется, интенсивный «импорт» европейских литературных произведений, стали активно переводиться на древненорвежский произведения европейской придворной и прочей светской литературы с фокусом на героические образы прославленных наследственных правителей других народов, воспетых в истории своих народов как великие завоеватели и собиратели земель под единой рукой. При норвежском дворе переводились поэмы о падении Трои, мифы об Энее, сказания о короле Артуре, разнородные произведения о Карле Великом и др., которые адаптировались к сложившимся норвежско-исландским традициям, получали форму саги, их герои приобретали черты и нравы легендарных норвежских конунгов. Эти подражательные саги сделались очень популярны в норвежско-исландском обществе. Интерес к подобным сюжетам был настолько велик, что литературные заимствования не ограничивались импортом опубликованных европейских произведений, но и привлечением произведений устной традиции. В середине XIII в. на древненорвежском языке была произведена первая письменная фиксация древненемецких сказаний о Тидреке Бернском, получившая известность как Тидрексага. Тидрексага передает эпическое наследие, восходящее к событиям V в. – войнам гуннов во главе с Атиллой и готов во главе с Теодорихом. Но кроме гуннского и готского правителей в ней фигурировали русский витязь Илья и русский король Владимир (49).

Можно ли предположить, что при таком горячем интересе норвежского двора и норвежско-исландских деятелей литературы к произведениям европейской словесности о великих государях других народов они обошли бы вниманием творчество древнерусской летописной мысли и былевого эпоса? Помимо того, что сведения о Руси имелись во множестве в западноевропейских эпических произведениях, были и прямые связи между норвежским двором и русскими землями. Например, к 1251 г. относится поездка норвежских послов в Новгород для урегулирования спорных вопросов по северной границе, согласно «Саге о Хокане Старом», составленной сразу после смерти Хокана IV Стурлой Тордарсоном (50). Тогда норвежские представители и могли зафиксировать древнерусские сюжеты, переложенные позднее в форме саги. Таким образом, нет ничего удивительного или неожиданного в том, что вслед за Тидрексагой стали создаваться на древненорвежском языке компиляции из древнерусских сказаний в традиционной форме саг, герои которых принимали черты норвежских псевдо-исторических конунгов и их сподвижников, примером чего, согласно моим выводам, и является «Сага об Одде Стреле».

Кроме этого по рассматриваемому сюжету есть еще очень важный вопрос: а кто первый усмотрел сходство в описании смерти князя Олега и Одда Стрелы? Оказывается, тот же Олаф Рудбек, когда он работал над оформлением шведского политического мифа, где в истории Восточной Европы с древнейших времен места русским не отводилось. В 1697 г. он отобрал эту сагу из множества саг и сделал ее первый перевод, а его последователь и горячий почитатель Элиас Бьернер (E. Björner) переиздал ее в 1737 г., включив в сборник избранных произведений, где уже и дал комментарий, в котором отождествил Одда с Олегом из

ПВЛ. Так что, истоки вышеприведенных норманистских рассуждений об Одде Стреле и князе Олеге – тот же рудбекианизм!

Олег и Ольга – древнерусские имена. Наука должна, наконец, отойти от рудбекианистских мифов и понять, что Олег и Ольга – древнерусские имена из самого архаичного именного слоя. Как всякие древние имена, они видоизменялись, принимали разную форму. Наиболее архаичная форма – это Вольг/Вольгá для мужского рода и Вóльга/Вóлга для женского рода. В летописях можно встретить это имя и с начальной *в*, т.е. Волга вместо Ольга: Иде Вольга Ноугороду и устави по Месте повосты (Лавр. 24 и 27), или Вольгович вместо Ольгович (Ипат. под 1196). Древность формы Вольгá подтверждается тем, что это имя сохранилось в былинах: Вольгá Святославъевич, богатырь наших былин. Этот цикл былин принадлежал к наиболее архаичному слою в русском былинном эпосе.

Чередование с начальной *в* и без нее было типично для древнерусского языка: возеро <озеро, востров <остров, вострый <острый и т.д. Соответственно, типичным для русского языка является переход Вольгá < Вольг <Ольг. Однако для древнерусского языка был типичен и переход начального *е* в *о* и обратно, напр.: озеро – езеро, орел – ерел, елень – олень, един – один, Елена – Олена (например, в ПВЛ сказано: «речено ей во крещении Олена»), Омельян-Емельян. Соответственно, Вольга <Ольга <Ельга – самые обычные для древнерусского именослова чередования. Поэтому византийские авторы имели полное право изобразить имя Ольга как Ελγα. Но исследователь прошлого века М. Халанский находил и написание Ούλγα на миниатюре I. Куропалата, изображавшей прием русской княгини при дворе византийского императора (51). Так что византийским соседям были известны обе формы имени: и Ольга, и Елга. Но в латыни и в германских языках перед гласной часто ставился знак придыхания *h* (haben, history), соответственно, в огласовке этих языков древнерусская Ельга стала Хельгой. Поэтому германская Хельга – от русской Ельги, а не наоборот.

Но как же лингвисты могли так запутаться? Ведь здесь речь идет о более широких лингвистических кругах, а не о просто норманистских. И опять недобрым словом надо помянуть рудбекианизм, имевший две составляющие. Одна из них хорошо известна: идея шведо-варягов, которая оформилась как норманизм и в этом качестве активно обсуждалась в исторической науке. Вторая – это оформившаяся у Рудбека идея этнической карты Восточной Европы в древности. Зачем Рудбеку надо было вдаваться в эти вопросы? Пусковой механизм для подобных исканий сработал еще в начале XVII в., в Смутное время, когда у маленькой Швеции появилась возможность отхватить и присвоить куски большой России. Но всякое неправо дело нуждается в идеологическом обосновании. Последовал заказ от первого лица, т.е. короля, создать новейшую концепцию истории Восточной Европы с древнейших времен, но без русских. В результате был разработан проект «Швеция, как древняя Гиперборея», где утверждалось, что гипербореи из античных источников были прямыми предками шведов, и соответственно, предки шведов, то бишь германцы, освоили Восточную Европу задолго до других народов. Эти фантазии развил духовный отец норманизма Рудбек, который дополнил картину: в постгиперборейские времена

финны заселили восточноевропейские земли задолго до славян, а шведы уже под именем варягов владычествовали над финнами и собирали с них дань, славяноруссы же на севере и в центре Европы появились позже других народов. Таким образом, именно к Рудбеку восходят истоки наших представлений о том, что в Восточной Европе первыми поселенцами были финно-угорские народы, а славяне, то бишь русские, появились в Восточной Европе позднее всех. Под влиянием этих взглядов и стали названия русских рек выводить из финно-угорских языков, включая и название Волги, которое, в свою очередь, очевидно, связано с именем Олега и Ольги. Этимологию Волги начали связывать с финно-угорским корнем *valg*, т.е. «светлая», «белая» (52).

Но где-то со второй половины XIX в. уяснили, что основные гидронимы Русской равнины не выводились из финно-угорских языков, но находили соответствия в тех регионах, где носителями были представители индоевропейцев. Тогда и придумали никогда не существовавший в Восточной Европе «народ» балтов, поскольку для «нефинских» гидронимов стали находить подходящую этимологию в литовском языке. С балтами без ДНК-генеалогии разобраться было бы трудно. Я тоже полагала, что они были частью индоевропейского субстрата в Восточной Европе. Так всех убедил образ литовского языка как чистого санскрита. А оказывается, и финно-угры, и те, кто сегодня балты, стали мигрировать в Европу из Зауралья как представители одной гаплогруппы N1c1, хотя и в лоне разных миграционных потоков более, чем на тысячу лет позднее R1a, т.е. древних русов и ариев. Соответственно, будущие балты освоили ИЕ уже в Восточной Европе. Но эти данные ДНК-генеалогии пока лингвистической мыслью не востребованы.

Поэтому с «появлением» на научной арене «балтов» имя Волга из финской зоны перешло в балтскую зону, и открылось тогда, что Волга – это балтская этимология, от «валка» – небольшой ручей или ручей, текущий по болоту (53). Как можно для величайшей реки Восточной Европы придумывать этимологию «небольшой ручей»? Но, видимо, повлияла привычка к финно-угорскому *valg*, хотелось чего-либо созвучного, поэтому нашли *валку*. В ходе всех этих коллизий у лингвистов «зацементировалось» убеждение, что Волга, а вместе с ней имена Вольга, Вольг, Елга, и, следовательно, имена Олега и Ольги нельзя толковать из русского языка, потому что в праславянском не мог быть корень *волг-*. Ну, не мог быть, и не надо! Это ведь, подгоняя под финно-угорские названия, решили, что корень *волг-*. А в древнерусском названии Волги, в древнерусских именах Волг/Олг или Вольга/Ольга корень или постоянно сохраняемая основа слова *вол-/ол-* или даже *л-*, остальная же часть в этих именах подвержена изменениям. Примеров тому очень много, но это работа лингвистов обратить, наконец, на них внимание и вернуть и Волге, и именам Олег и Ольга их древнерусское происхождение.

А здесь в завершение хочется очертить саму личность князя Олега. В ПВЛ читаем о нем за 879 год: «Умершю Рюрикови предасть княженъе свое Олгови, от рода ему суца, въдавъ ему сын свой на руцѣ, Игоря, бо дѣтескъ вельми». Из этого следует, что князь Олег занял княжеский престол по завещанию умершего правителя, что было распространено в средневековой Европе. Далее в ПВЛ о князе Олеге сказано, что он принадлежал к роду Рюрика, был «от ро-

да ему суща». Некоторые источники называют его шурином (братом жены) Рюрика. Кроме того в Новгородской Иоакимовской летописи (НИЛ) назван титул князя Олега до его вступления на княжеский престол в Новгороде как князь урманский, а также подчеркнуто, что он был из варяг: «предаде княжение... Ольгу, варягу сусчу, князю урманскому» (54). Как под влиянием норманизма титул «князь урманский» был переделан в «норвежскую национальность», тема отдельного разговора. Но всякий, кто сегодня в состоянии мыслить здраво, понимает, что для IX–X вв. варяги были населением южнобалтийского побережья (55).

Титул князя урманского, согласно моим предварительным исследованиям, связывает Олега с Вармией - Эрмланд - Урмланд или Урмией на южнобалтийском побережье. Известны польские и прусские варианты названия. Но сохранилось и более старинное ее название как Варния и язык варнийский, что напоминает о «варских» топонимах на западе южнобалтийского побережья и о связи этого названия с варягами (56). В современную историю эта область вошла как северо-восточная Пруссия и известна драматизмом и насыщенностью своей истории. Тема связи истории Восточной Пруссии или шире – южнобалтийского Поморья с Урмией и таким образом – с титулом князя урманского пока только разрабатывается мной. Но одно из звеньев можно представить и сейчас. Это родство сакральных традиций городов Поморья с фразой князя Олега о Киеве «Се буди мати градом русским». Эта фраза, безусловно, уводит на южнобалтийское побережье, поскольку именно в Поморье была зафиксирована «материнская» классификация главного города Поморья. С.А. Геденов и А.А. Котляревский писали о том, что в латинских источниках отмечалось, что Щецин был старшим городом в Поморье, мать и глава всех городов поморских (Pomeranorum matremque civitatum). Известно, что Щецин был крупнейшим сакральным центром на Южной Балтии, где на холме стоял храм одного из великих божеств Триглава.

Относительно фразы князя Олега сложилось мнение, что термин «*мати*» здесь следует понимать как «метрополия» (57). При этом особенно не задумываются над тем, что греческое «metropolis» от meter мать + polis город существовало совершенно в ином историческом контексте. В Древней Греции – это название города-государства по отношению к основанным им поселениям в чужих землях или обозначение для государства, владевшего захваченными им землями. Вряд ли общепринятое понимание термина «метрополия» подходит к летописной истории объединения Новгорода и Киева. Как известно из рассказа летописи, в 882 г. Вещий Олег выступает в поход и присоединяет к своим владениям Киев. «И съде Олег княжа в Киевъ, и рече Олегъ: ”Се буди мати градомъ русьским”». То есть в данном историческом контексте городом – княжеством, захватившим Киев, выступает Новгород. Следовательно, Новгород и есть метрополия. С какой же стати новгородскому князю Олегу ставить все с ног на голову и завоеванной земле давать статус владетеля, а Новгород объявлять колонизованной периферией? Историческая мысль явно отрывается от всякой логики. Совершенно очевидно, что термин «*мати*» имеет здесь другое значение. Но все дело в том, что этим термином историческая наука практически

не занималась, удовлетворившись подставкой в летописный контекст значения «метрополии».

Невнимание исторической науки к термину «*мати*» объясняется тем, что термин наиболее полно раскрывается в весьма специфическом источнике – в древнерусском памятнике космогонического содержания, духовном стихе о «Голубиной книге». Ядро этого древнейшего произведения русской духовной культуры явно оформилось на глубине тысячелетий, но письменно тексты «Голубиной книги» были зафиксированы в XVIII в., как и многие произведения устной традиции. В «Голубиной книге» «*мати*» – это не просто «мать» или «мать», этим словом обозначался главный, т.е. сакрально наиболее важный природный и социальный предмет (земля, море, озеро, река, город, церковь, птица, зверь, гора, камень, дерево, трава). На вопрос: какая земля всем землям мати, – «Голубиная книга» отвечала: «Свято-Русь земля – всем землям мати». В словаре В.И. Даля относительно Волги приведено выражение: Волга всем рекам мати. Т.е. в народной памяти образ Волги для древних русов закрепился как образ священной реки, персонифицированной в образе Волги-матушки. Следовательно, при князе Олеге на вопрос Голубиной книги: «Который город всем городам мати», учреждался ответ: Киев «буди мати градомъ русьским», т.е. Киев наделялся ролью сакрального центра среди городов Руси, в соответствии с древнейшей мировоззренческой системой русов или в соответствии с древнейшей языческой традицией.

Теперь пора задать следующий вопрос: а по какой причине князь Олег использовал терминологию «Голубиной книги»? И здесь необходимо прояснить один важный момент, связанный с правлением его предшественника князя Оскольда. Сейчас собрано достаточно свидетельств источников о том, что князь Оскольд принял христианство после похода на Константинополь в 860 г. Вслед за князем крестились и многие русы. Сведения об источниках и литературе по этой проблеме собраны в книге С.В. Шумило «Князь Оскольд и христианизация Руси» (58). Видимо, с какого-то времени киевляне стали проявлять недовольство князем ли Оскольдом, или новой религией, или тем и другим вместе. Поэтому вокняжение Олега в Киеве было не столько результатом захвата, сколько результатом сговора его с киевлянами, желавшими свергнуть князя-христианина. Еще Татищев писал: «Блаженный же Оскольд предан киевляны и убиен бысть, и погребен на горе, иде же стояла церковь святого Николая...» (59), т.е. консервативные круги киевского общества пожелали возврата к своим тысячелетним традициям, носителя которых они видели в князе Олеге и которые в то время развивались на Балтийском Поморье. Совершенно очевидно, что южнобалтийские сакральные традиции были родственны древнерусской духовной архаике. В разные эпохи они связывали, очевидно, Русскую равнину и Южную Балтию. Ход истории мог время от времени прерывать эти связи, но память народная хранила знание о них и вызывала их из небытия тогда, когда ощущалась потребность. Так было и при вокняжении князя Олега в Киеве. При учреждении основ своего государства, определив Киев на роль южнорусского сакрального центра, князь Олег как бы очертил границы объединенной Руси с севера на юг. Естественно, сделать это он мог только в том случае, если сам

принадлежал к этой древнерусской сакральной традиции, основанной на «Голубиной книге» (60).

Как справедливо подчеркнул исследователь «Голубиной книги» М.Л. Серяков, князь Олег при учреждении основ своего государства, определив Киев как «мати», использовал религиозно-философскую терминологию «Голубиной книги» и этим символическим актом восстановил космический миропорядок в только что созданном им Древнерусском государстве, включив туда Киев, а через него и всю страну в общий контекст древнерусской сакральной традиции и провозгласил Киев священным центром (61). Кроме того, что князь Олег определил Киев на роль южнорусского сакрального центра, отметив его именем *мати*, он вернул традицию вселенского закона роты (риты/рты) на Русь. Под ее знаком был заключен князем Олегом его договор с Византией: «Царь же Леонъ со Олександромъ миръ сотвориста со Олгом, имешесе по дань и роте заходивше межы собою, целоваше сами крестъ, а Ольга водише на роту и мужи его по Рускому закону, кляшася оружиемъ своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ» (62).

Поморский Щецин как *мати* и Киев как *мати* выступают как бы двумя полюсами той территории, которую князь Олег соединил в единое сакральное пространство. И деятельность князя Олега должна исследоваться именно в этих масштабных рамках. Но, как известно, этого не делается, поскольку норманисты по-прежнему цепляются за абсурдную мысль о скандинавском происхождении этого князя, пытаясь представить его выходцем из датских или норвежских локальных династий, «который оказался в Восточной Европе, во главе смешанного войска захватил Киев и стал великим русским князем». До тех пор, пока такая ситуация существует в нашей исторической науке, научное исследование проблематики начального периода русской истории, практически, невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Мельникова Е.В. *Ольг / Ольгъ / Олегъ <Helgi> Вещий*: К истории имени и прозвища первого русского князя // *Ad fontem / У источника*: Сборник статей в честь С.М. Каштанова. М., 2005. С. 143.

2. Лукошков А.В. Флот Древней Руси в плаваниях на Константинополь: находки и реконструкции // Труды первой международной конференции «Начала Русского мира». 28-30 октября 2010 года. СПб., 2011. С. 204-217.

3. Грот Л.П. Политический миф норманизма // Научно-публицистический альманах «Русское поле». 2013–2014. № 4-5. С. 89-120; Фомин В.В. Нужен ли нашему будущему шведский взгляд на наше прошлое? // Образовательный и культурно-просветительский журнал «Государственность. Gosudarstvennost». 2013. № 1-2 (3-4). С. 118-149.

4. Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006. С. 350.

5. Шлецер А.Л. Нестор. Ч. III. СПб., 1809. С. 105.

6. Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. II. St.-Petersburg, 1845. S. 142.

7. Гедеонов С.А. Варяги и Русь. М., 2005. С. 182-183.

8. Thomsen V. Ryska Rikets grundläggande genom skandinaverna. Stockholm, 1882. S. 64-65.

9. Мельникова Е.А. *Ольг / Ольгъ / Олегъ <Helgi> Вещий*. С. 138.

10. Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. С. 387.

11. Modéer I. Svenska personnamn. Handbok för universitetsbruk och självstudier av Ivar Modéer utgiven av Birger Sundqvist och Carl-Eric Thors. Lund, 1964. S. 39.
12. Janzén A. De fornsvenska personnamnen // Nordisk kultur. Personnamn. Stockholm, København, Oslo, 1947. S. 246, 254.
13. Modéer I. Op. cit. S. 39.
14. Liliengren E. Svenska språket. Solna, 1989. S. 26.
15. Janzén A. Op. cit. S. 241.
16. Modéer I. Op. cit. S. 38-42.
17. Janzén A. Op. cit. S. 73-74, 137-138.
18. Сулова А.В., Суперанская А.В. О русских именах. Л., 1985. С. 53.
19. Ekbo S. Nordiska personbinamn under vikinga- och medeltid. // Nordisk kultur. Personnamn. Stockholm, København, Oslo, 1947. S. 279.
20. Сулова А.В., Суперанская А.В. Указ. соч. С. 18.
21. Janzén A. Op. cit. S. 242-243.
22. Modéer I. Op. cit. S. 96-113.
23. Janzén A. Op. cit. S. 245-248, 254.
24. Ekbo S. Op. cit. S. 271-272.
25. Janzén A. Op. cit. S. 140.
26. Ibid. S. 140.
27. Davidson E. Nordens gudar och myter. Stockholm, 1993. S. 22, 232.
28. Ibid. S. 84-85.
29. Janzén A. Op. cit. S. 254-255.
30. Сулова А.В., Суперанская А.В. Указ. соч. С. 49.
31. Modéer I. Op. cit. S. 96.
32. Hornby R. Fornavne i Danmark i Middelalderen // Nordisk kultur. Personnamn. Stockholm, Oslo, København, 1947. S. 187.
33. Danmarks gamle personnavne. Utgivet af Gunnar Knudsen og Marius Kristensen under medvirkning af Rikard Hornby. København, 1936–1940. S. 496-497.
34. Davidson E. Op. cit. S. 84.
35. Циммерлинг А.В. Комментарии к скальдическим стихам // Исландские саги. Перевод с древнеисландского языка, общая редакция и комментарии А.В. Циммерлинга. Т. 2. М., 2004. С. 431.
36. Мельникова Е.А. *Олгъ / Ольгъ / Олегъ <Helgi> Вещий*. С. 142.
37. Janzén A. Op. cit. S. 22-29, 71.
38. Мельникова Е.А. *Олгъ / Ольгъ / Олегъ <Helgi> Вещий*. С. 138.
39. Там же. С. 138-140.
40. Сага об Одде Стреле (перевод Г.В. Глазыриной) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. М., 2009. С. 265.
41. Мельникова Е.А. Реминисценции скандинавского язычества в преданиях повести временных лет // XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М., Архангельск, 2001. С. 99-102.
42. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 212.
43. Мельникова Е.А. «Сказания о первых князьях». Принципы репрезентации устной дружинной традиции в летописи // Мир Клио. Сборник статей в честь Л.П. Репниной. Т. 1. М., 2007. С. 118-124.
44. Сага об Одде Стреле. С. 259-266.
45. Гильфердинг А.Ф. Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб., 1873. № 1.
46. Фрэзер Д. Предание смерти божественного правителя // Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980.
47. Боднарский М.С. Античная география. М., 1953. С. 225.

48. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997. С. 95.
49. Азбелев С.Н. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. С. 38-40.
50. Шаскольский И.П. Экономические связи России с Данией и Норвегией в IX–XVII вв. // Исторические связи Скандинавии и России. IX–XX вв. Л., 1970. С. 46.
51. Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // ЖМНП. СПб., 1902. С. 320-321.
52. Улуханов И.С. Происхождение название Волга // Изучение географических названий. М., 1966. С. 105-107.
53. Поспелов Е.М. Школьный топонимический словарь. М., 1988. С. 47.
54. Татищев В.Н. История Российская. Т. I. М., 1994. С. 110, 117.
55. Гедеонов С.А. Варяги и Русь; Кузьмин А.Г. Начало Руси и др.; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь и др.
56. Пауль А. Варины, которых называли ободриты // <http://pereformat.ru/2014/04/varini-obodriti/>
57. ПВЛ. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачева / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 3-е изд. СПб., 2007. С.409.
58. Шумило С.В. Князь Оскольд и христианизация Руси. Киев, 2010.
59. Татищев В.Н. Указ. соч. С. 110.
60. Грот Л.П. Древнерусская традиция обозначения старшинства и сакральности: термин «мати» // VII конгресс этнографов и антропологов России. Саранск, 9-14 июля 2007 г. С. 443-444.
61. Серяков М.Л. «Голубиная книга». Священное сказание русского народа. М., 2001. С. 314.
62. ПВЛ. С. 17.

А.Н. Долгих

ХОТЕЛ ЛИ НИКОЛАЙ I ОСВОБОДИТЬ КРЕСТЬЯН В РОССИИ?

В недавней подборке публикаций в журнале «Родина» об эпохе Николая I (2013, № 3) не был достаточно представлен достаточно ключевой вопрос российской жизни того периода – крестьянский. Действительно, остается проблемой, хотели ли властные структуры или сам император освободить крепостных (владельческих) крестьян в России? Негативный, по существу, ответ на этот вопрос в историографии (особенно советского времени) требует некоторого пересмотра. Причем здесь особенно важным аспектом проблемы является верная оценка намерений самого монарха на сей счет, имея в виду его громадную роль в определении вектора этой политики.

Известно, что Николай I первоначально не готовился принять бразды правления Россией от старшего брата и позиционировал себя преимущественно как военного деятеля, но уже примерно с середины 1810-х гг. его начали готовить и к новому, гораздо более грандиозному поприщу. Довольно рано у него созрели консервативные убеждения, чем он отличался от Александра I, и либеральные иллюзии последнего (сколь бы они ни были серьезными) были ему «неведомы». По словам историка М.А. Полиевктова, «конституционализм и либерализм всегда были чужды его мышлению», он выступал защитником сложившихся порядков, а декабристское выступление и европейские революции еще